

Апокалиптические мелочи

*«Не говори мне: что сможем сделать мы,
двенадцать человек, вступив в среду
такого множества людей?
В том самом и обнаружится яснее
ваша сила, что вы, вмешанные
во множество, не предадитесь бегству»
(Св. Иоанн Златоуст)*

Одному, недавно прославленному, французскому подвижнику 19-го века, Господь дал то, что тот просил: видение всех глубин его греховности. Видение было столь ужасно, что святой стал взывать к Господу, прося закрыть ему очи, и сделать его опять подобным всем людям, не ощущающим вопиющей смертности своей природы.

Некоторым людям непонятно удивительное смирение святых (говорят: «ведь они же не могут не знать, что они лучше других!»). Но смирение постигается не «душевной» психологией. Святой смирен не на словах, потому он и святой, — он *истинно* видит испорченность человеческого естества — такую великую, такую безмерную, от видения которой — и от ощущения Отцовства Божьего — ему ничего невозможно делать, как только взывать к Богу о помиловании, и самому снижаться ниже пепла. От чистоты совести малейший грех кажется чудовищным, словно огромное увеличительное стекло накладывается на покаянное сознание человека. И это *не духовная педагогика*. Это — *реальное ощущение истины*.

Бедны мир, в каком ужасном мираже он живет.

Жил в мире, в Италии, шесть веков тому назад, один смертный, который на своем знамени написал: «Я герцог Вернер, вождь великой Кампаньи, враг Бога, сострадания и сожаления». Подобная чистота богоборчества может быть только среди людей глубокой веры.

Теперь открыв газету, читаем: «Эмиль Лубэ и королева халвы». «Бывший президент республики, Эмиль Лубэ, которому исполнилось уже 90 лет, совершенно отошел от политической жизни, но принимает иногда участие в делах своего родного города Монтеммара. В праздник Успения, под председательством Лубэ, в Монтелимаре, славящемся своей халвой, происходили выборы из местных красавиц «королевы халвы». Корона, из рук бывшего президента республики была возложена на местную работницу Розу Лебель».

Несмотря на очень гуманную церемонию старца Лубэ, всякому, не останавливающемуся на поверхности явлений, станет ясно, что торжественный праздник халвы в праздник Успения, и афродитическое богослужение целого города, в день памяти преставления Богоматери, есть прямое продолжение дела герцога Вернера, врага Бога. Герцог только жил в религиозную эпоху, и свое богопротивление облек, пусть отрицательно, но в религиозно-волевою форму. (Так же облачают теперь свое дело противники Божьи в среде верующего русского народа).

Случай в Монтелимаре очень характерен: он, во-первых, наглядно показывает характер того «рая на земле», о котором мечтает звероподобное человечество; а потом, вообще, в нем полностью выражены все высоты мироощущения, все «праздничные ценности» людей тленного века. Вождь великого народа, человекоизбранный образец человечества, на краю могилы встает во весь свой духовный рост... Народный праздник культа Венеры и культа вкусовой сласти, в день Успения Божией Матери... Невольно вспоминаешь (как очевидец) беснование мировой столицы — Парижа, в минуты ньюйоркской драки национального боксера Карпантье с его американским противником; все эти толпы, эти световые аэропланские сигналы на ночном небе...

Где мы живем, кто этот мир, что окружает нас? Кто смеет нас призывать к любви в такому миру? Любить человека, любить образ Божий в

нем, это значит всеми силами своей души возненавидеть тот космический мираж, которым окутан отошедший от Бога мир.

Совсем недавнее, незаметное сообщение газеты: на сцене одного австрийского курорта шла какая-то комедия, роль камердинера в этой комедии исполнял «известный комик» Юлиус Твердый. Среди комедий комик упал; публика, думая, что *все входит в игру*, встретила это падение взрывом хохота. Когда хохот стих, все увидели, что комик мертв.

Что же это случилось такое? Человек, вероятно, много лет духовно умирал пред людьми, внося соблазн забвения всего Христова; и вот, не доиграл игры — умер при оглушительном хохоте мира. А люди, над кем они смеялись? над мертвым человеком.

Какой глубокий смысл в этом. Мы почти все умираем при хохоте веселящегося мира, пусть не в нашей комнате хохочет, а в соседней, пусть не над нами, а над каким-нибудь бедным, воистину несчастным Юлиусом.

До каких пор мы, христиане, не порывающие с названием христиан, будем двуликими (и хорошо еще, если двуликими) в нашей жизни? Даже если не говорить о делах, но говорить о первом: *об ощущении жизни*. Наши оценки, наши интересы, наша *психология*, до такой степени проникнуты, как греховной страстностью, так и греховной бездушностью века, что Благодать Божья не может не уходить от нас. Живя даже не в язычестве, а уже в богоотступническом мире, мы, внешне держась за христианство, отдаем себя во власть всей жизни этого мира, мира, уже начинающего колебаться в преддверии страшных катастроф.

Нас связывают теплохладные привычки. Мы привыкли жить в мире как в удобно обставленной комнате, и нам трудно понять, что мир наш есть огненный шар сжигаемого творенья, к которому прикоснулся Бог Отческим прикосновением.

Серость нашего сердца и нашего ума мы считаем за серость минут Богом данной нам жизни. Пребывая Вездесущим, Господь далек от наших сердец, ибо быть с Ним нельзя без любви к Нему, а любить Его нельзя, не

возненавидя *всею душою* «похоть плоти, очей и гордость житейскую», которыми отравлено сердце мира. Да не смущаются люди, читая евангельское слово «ненависти». Это — отвержение вечной смерти, столь же огненное, как и любовь к вечной Христовой жизни. «Мир, которого Иоанн Богослов повелевает не любить, — не создания, но мирские похоти», — ведь так говорит Церковь о мире словами священномученика Петра Дамаскина.

Многие удивляются мудрости и любви Евангельской; но нельзя им удивляться, не удивившись сперва безумности человеческого окамененного сердца, не устращась растленности мира и человека. Христианам потому Господь закрыл доступ к живому чтению Слова Божьего (страшный факт нашего времени), что они не отвергают зла, не отрывают сердца от косной стихии мира, а погружаются в нее все глубже и глубже, под всякими, даже высокими предложениями.

Человечество теряет ощущение греха. Это есть признак утери Бога. Под именем «зла» люди, мнящиеся быть христианами, начинают отвергать не зло, а последствия зла. Это отвержение, эта борьба не с существом зла, а лишь с его последствиями выпукло обнаруживается в сектантском «отрицании» войны, как «зла», и в столь же далеком от Христа утверждении победы над «злом», чрез победу человеческого меча.

Но грех надо ощутить, как грех; отвергнуть его *как ересь*, — *пред Богом*, не глядя на человеческие лица (будь то лицо человека, или целой страны). В христианском мышлении насущно необходимо очистить понятия «добра» и «зла», как не личных, не коммерческих, не общественных, не государственных категорий, а церковно-абсолютно Божиих.

Только поняв *зло*, как единый *грех*, ощутив его так, как повелел его ощущать Господь, христиане смогут противостать благодатной силой косным стихиям и сознательно-растлевающей силе мира, берущей, сейчас, над человеком все более мучительную, *и все меньше замечаемую* власть.

Иеромонах Иоанн